

Тетя Сунь готовила рыбу на кухне, и этот простой бытовой дымок, смешиваясь с ароматами еды, просачивался наружу. Всё вокруг казалось непривычным, но на душе почему-то было очень спокойно.

Он уже давно не испытывал такого чувства. С тех пор как ушла мама, ему редко доводилось просто сидеть рядом и прислушиваться к тихим звукам кухни в ожидании ужина.

Ся Хуайянь сидел на диване, отставив в сторону стакан с медовой водой, которую тетя Сунь приготовила минут десять назад, и медленно грыз яблоко.

По телевизору как раз шли скучные дневные новости. Ся Хуайянь не очень любил политику и сводки новостей, но в чужом доме ему было неудобно переключать каналы.

Он всегда был застенчивым и замкнутым, и даже с такими простыми вещами ему было трудно справиться как положено.

Колеблясь между желанием переключить канал и необходимостью терпеть, Ся Хуайянь устался на пульт, лежавший перед ним, и в конце концов решил просто слушать телевизор как радио.

В этот момент в гостиной он находился один. Цзи Цинье только что ответил на телефонный звонок и ушел в кабинет разбираться с делами. Он всегда казался таким занятым, словно дорожил каждой секундой, вечно решая какие-то свои вопросы.

При мысли о Цзи Цинье Ся Хуайянь вспомнил, как тот только что держал его за руку, и его щеки снова запылали.

Раньше он держался за руки и с друзьями, но ощущения были совсем другими. Это походило на удар током — одновременно рождало тревогу и смутное, едва уловимое желание. Ему казалось, что с ним что-то не так.

Ся Хуайянь подумал, что у него вряд ли будет какое-то продолжение отношений с тетей Сунь — после сегодняшнего дня он вернется домой, — но всё же вежливо кивнул в ответ.

— Не нужно, не нужно, спасибо вам...

Закончив говорить, тетя Сунь вернулась на кухню наводить порядок — на то, чтобы вымыть подоконник и пол, еще требовалось время.

— Сегодня особые обстоятельства, — сказала она. — Обычно гостей в доме не бывает. Раз уж господин Цзи попросил меня приготовить еду, он наверняка хотел, чтобы вы поели первыми. В моем горшочке горячие блюда, так что садитесь за стол.

Тетя Сунь не стала звать Цзи Цинье, сказав, что это беспокоит его.

Работы у Цзи Цинье еще не закончились, и Ся Хуайянь, сидя за обеденным столом, боялся даже прикоснуться к палочкам.

В руке у него все еще оставался недоеденным большой кусок яблока, и он не знал, куда его положить.

Раньше, когда ему нужно было приехать в этот дом, тетя Сунь начинала готовить только после того, как Цзи Цинье заканчивал свои дела: это и работе не мешало, и позволяло ему подать еду с пылу с жару.

Мясистый морской окунь, присыпанный чуть красноватым перцем чили для аромата и пикантности, выглядел аппетитно, а рис был рассыпчатым и ароматным.

Выпив чашку медовой воды и съев пол-яблока, Ся Хуайянь, который уже был наполовину сыт, подумал, что если бы он ел один, то запросто осилил бы еще две миски риса.

Тетя Сунь поставила на стол дымящегося на пару морского окуня и с улыбкой тепло пригласила Ся Хуайяня:

— Можете помыть руки и идти к столу.

Раз уж хозяйева так говорят, Ся Хуайяню не стоило излишне скромничать, иначе тетя Сунь могла посчитать его жеманным. Собравшись с духом, он наконец взял палочки для еды.

И это при том, что они видели друг друга впервые в жизни!

— Господин.

Ся Хуайянь, который почти целый день толком ничего не ел, набросился на любимое блюдо и под пару кусочков нежного окуня умял полмиски ароматного риса.

Заметив его нерешительность, тетя Сунь с открытой улыбкой произнесла:

— Давайте мне яблоко, я пока уберу его, а после обеда нарежу господину свежую фруктовую тарелку.

Ароматы тушеного караса и пропаренного окуня сплелись воедино, а их внешний вид был просто потрясающим.

Оторванный от своих размышлений, словно кто-то подглядел за его сокровенными мыслями, Ся Хуайянь почувствовал, как у него заколотилось сердце, неуклюже поднялся с места и направился к обеденному столу.

— Ой, да какое спасибо, это моя прямая обязанность. Не церемоньтесь, просто зовите меня тетей Сунь. Господин Цзи всегда меня так зовет, и вы, господин Ся, можете обращаться ко мне точно так же.

Раз уж в доме гость, разве гоже заставлять его ждать? Тетя Сунь лишь попросила Ся Хуайяня поесть первым и не чувствовать себя обязанным.

— А, хорошо.

Вторую рыбу, тушеную в соусе, ему тоже хотелось попробовать, но, глядя на двух целых рыб на столе, одну из которых уже начали есть, он не рискнул нарушать целостность обеих и сдержался, не притрагиваясь к другой.

Пока он размышлял об этом, в лестничном пролете послышались шаги Цзи Цинье.

Ся Хуайянь поднял взгляд: галстук, туго стягивавший шею мужчины, исчез, верхняя пуговица рубашки была расстегнута, а рукава закатаны на несколько оборотов, обнажая бледные, мускулистые предплечья.

От этого зрелища почему-то становилось немного неловко.

Цзи Цинье направился прямо к обеденному столу, и, садясь, бросил взгляд на ту рыбу, к которой Ся Хуайянь уже прикладывался; на его лице не отразилось никаких эмоций.

Ся Хуайянь прикусил губу и отправил в рот кусочек белого риса.

Обед прошел в тишине. Цзи Цинье, казалось, вообще не разговаривал во время еды; не было слышно даже стука палочек о чашку — всё было невероятно изысканно.

Ся Хуайянь тоже стал вести себя осторожнее, закинул в рот еще пару кусочков окуня и с замиранием сердца доел свою миску ароматного риса.

Цзи Цинье выбирал еду с такой же тщательностью: из всех стоявших на столе блюд он лишь пару раз притронулся к овощам и немного поел пропаренного окуня и тушеного карася.

Стоило Ся Хуайяню взять кусочек рыбы, как мужчина тоже отправлял в рот кусочек, сохраняя при этом совершенно бесстрастное выражение лица, будто погруженный в какие-то свои мысли.

Цзи Цинье почти не притрагивался к еде и, едва осилив маленькую пиалу риса, завершил свой обед.

Опустив палочки на стол, он обратился к Ся Хуайяню:

— Как поешь, заходи в кабинет.

С этими словами он поднялся наверх и больше не задерживался внизу.

Ся Хуайянь решил, что тот просто не любит трапезничать в компании посторонних, поэтому поспешно отложил палочки, намереваясь последовать за ним, но как раз столкнулся с вышедшей из кухни тетей Сунь.

Тетя Сунь бросила взгляд на нетронутую посуду напротив Ся Хуайяня и удивленно спросила:

— Господин Цзи уже пообедал?

— Да, он только что тоже поел.

Тетя Сунь подошла к столу и окинула его взглядом — еда осталась почти нетронутой. Вспомнив, как сегодня Цзи Цинье неожиданно велел ей купить рыбу, она, кажется, кое-что поняла и с улыбкой спросила:

— Господин Ся, хотите доесть рыбу?

Сказав это, она испугалась, как бы Ся Хуайянь ее не понял неправильно, и поспешно пояснила:

— Наш господин никогда не ест на второй день то, что подавали в прошлый. Если вам нравится моя рыба, можете доесть ее сами.

Ся Хуайянь замер. Тетя Сунь тем временем насыпала ему еще одну пиалу риса и тепло пригласила садиться за стол.

Вновь взяв палочки, он чувствовал себя немного растерянным, но в то же время радостным, и тихо проговорил:

— Спасибо, тетя Сунь.

Ся Хуайянь немного переел и, посидев так какое-то время, почувствовал сонливость.

Но стоило ему вспомнить слова Цзи Цинъе, как сон улетучился. Он торопливо поднялся на ноги и направился к кабинету.

Кабинет располагался в самом конце коридора. У стены напротив находилось небольшое окно, и золотистые лучи солнца падали прямо на пол, разливая теплое сияние.

Возможно, из-за того, что Ся Хуайянь сильно нервничал, ему казалось, что даже сквозь термоизоляционные стекла солнце жжет так сильно, что у него под ногами плавится пол.

Он постучал в дверь и через пару секунд услышал короткое «войди».

Повернув ручку, он шагнул внутрь и сразу ощутил слабый аромат старых книг вперемешку с приятным, знакомым запахом.

Украдкой бросив взгляд в сторону, он заметил на маленьком столике у подоконника горшочек с белым жасмином, который как раз распустился.

Ветерок, подувший из окна, принес в кабинет цветочный аромат, слегка уняв его тревогу.

Ся Хуайянь тихонько сел напротив Цзи Цинъе и заметил, что мужчина, сделав глоток чая, хранит молчание.

Его собственные пальцы под столом нервно теребили край рубашки; он слегка опустил голову, погрузившись в мысли.

Цзи Цинъе велел ему подняться наверх, а Линь Фэн говорил, что у Цзи Цинъе есть к нему разговор, но Ся Хуайянь от природы не умел вести себя в подобных ситуациях.

Если бы не дела семьи Ся, он бы сейчас непременно попытался сбежать.

— Господин Цзи, о чем вы хотели со мной поговорить?

Его голос всегда звучал мягко и деликатно, казалось, он был не способен ни разозлиться, ни повысить голос. Он произнес: — Я бы хотел все обсудить и сразу уехать. Пусть мой отец потом сам ведет с вами все дела, хорошо?

Цзи Цинъе молчал. Ся Хуайянь поднял на него глаза — взгляд его был робким и, казалось, жаждал немедленного ответа.

— О чем мне с ним разговаривать?

Голос мужчины был низким и глухим. Ся Хуайяню показалось, что в его тоне сквозит легкая насмешка, но стоило ему поднять взгляд, как он снова увидел прежнего Цзи Цинье — холодного, отстраненного и неприступного.

Ся Хуайянь отвел пыливый взгляд, решив, что просто расслышал. Испугавшись, что Цзи Цинье передумал, но боясь показать свое нетерпение, он торопливо и мягко спросил:

— Вы же обещали в машине, что подумаете об этом? Разумеется... речь о деловых переговорах.

— М?

Спокойный, невозмутимый и неспешный вид Цзи Цинье заставлял сердце Ся Хуайяня то замирать, то биться сильнее.

Человек, стоящий на вершине, сидел прямо перед ним — расслабленный и уверенный в себе. И хотя он пообещал сделать всё, чего бы от него ни потребовали, чувствовать себя игрушкой в чужих руках было неприятно.

Цзи Цинье сидел с деловым видом переговорщика, ожидая, судя по всему, что собеседник скажет еще что-нибудь убедительное. Кто же знал, что лишь спустя долгое время Ся Хуайянь поднимет на него глаза, а его прекрасные брови и глаза наполнятся обидой.

Большие глаза юноши ярко блестели, подернутые легкой дымкой, а зрачки на черно-белой радужке испуганно метались сквозь пелену влаги.

Его голос слегка дрожал, но в нем не было злости — лишь горькая нотка печали:

— Вы что, обманули меня?

Свет из окна ложился на лицо юноши пестрыми тенями, придавая его миниатюрному и изящному личику какую-то хаотичную, хрупкую красоту.

Он опустил голову, и Цзи Цинье заметил чуть покрасневший кончик его носа; длинные черные ресницы отбрасывали на кожу тонкие пушистые тени.

Губы Цзи Цинье шевельнулись, но из них не вылетело ни звука.

Долгое время никто не нарушал тишину, и в комнате снова стало тихо.

Горшок с белым жасмином стоял как раз между ними, и взгляд Ся Хуайяня упал на нераскрытый бутон.

Один из лепестков уже развернулся, но выглядел неважно: он еще не успел распуститься до конца, как начал желтеть, и теперь жалко трепетал на ветру, дующем из окна.

Юноша протянул руку, чтобы потереть уставшие глаза, затем опустил ее обратно и послушно замер.

Ся Хуайянь не смел поднять взгляд на собеседника, но после долгого затмения вдруг услышал слова Цзи Цинье:

— Я не обманул тебя. Я буду вести дела только с тобой.

Ся Хуайянь наконец поднял голову. В тот миг взгляд, которым Цзи Цинье смотрел на него, показался ему странным. Не успел он всмотреться, как мужчина небрежно сменил тему:

— Что ты ел перед тем, как приехать в отель?

Ся Хуайянь растерялся, но от этого вопроса в памяти внезапно всплыли вчерашние события в гостинице.

Кончики его ушей покраснели, и он, еще больше смягчив голос, выложил Цзи Цинье всё как на духу:

— Ничего... Отец дал мне Пилюлю Очищения Сердца и велел не нервничать при встрече с вами, так что я выпил две штуки.

Сидевший напротив юноша выглядел совершенно невинным, а его чистый взгляд и лицо, способное заставить потерять рассудок, казались до безумия мягкими и беззащитными.

Похоже, он действительно ничего не знал, но даже в своих словах пытался защитить жалкое подобие гордости Ся Сичэна.

Когда Ся Сичэн использовал тебя как разменную монету для торговли чужим интересами... Глядя на это лицо, Цзи Цинье с удивлением понял, что просто не в силах произнести это вслух.

— Больше не смей их пить, — он на секунду замолчал, слегка нахмурился и перевел тему: — Эти пару дней поживешь здесь. Если что-то понадобится, попроси Линь Фэна купить.

Услышав это, Ся Хуайянь озадаченно поднял глаза:

— Пожить здесь?

— Можешь отказаться, но тогда и я ничего обещать не буду.

Цзи Цинье слегка подался вперед. Опасное движение и хищный, собственнический взгляд заставили Ся Хуайяня мгновенно замереть от страха.

Мужчина явно находился на некотором расстоянии от него, но Ся Хуайяню казалось, что дыхание Цзи Цинье вот-вот коснется его губ.

<http://bllate.org/book/22055/2293382>